

Продолжение публикации в день памяти В.П. Сысоева

«Жизнь напоминает мне тоненькую свечку, горящую при бурном шторме». *Павел Флоренский*.

7 апреля не стало писателя, общественного деятеля, Заслуженного работника культуры РСФСР, Почётного гражданина г. Хабаровска Вс.П. Сысоева, человека, который сделал Хабаровск и Дальний Восток ещё богаче и прекраснее. Литературное и научное творчество В.П. Сысоева получило международное признание: его биография опубликована в энциклопедическом словаре Международного центра в Кембридже с пометой «За заслуги перед человечеством». Такой чести удостоены немногие. Вс.П. Сысоев в течение 12 лет (с 1959 по 1971 гг.) был директором Хабаровского краеведческого музея, и руководимый им музей был удостоен звания «Лучший музей РСФСР». В.П. Сысоев – автор семи охотоведческих, пяти художественных книг, более 250 статей, очерков, рассказов, многие из которых переведены на иностранные языки и выпущены зарубежными издательствами. Его писательский талант признавали выдающиеся мастера литературы: В. Бианки, П. Проскурин, Н. Задорнов, Р. Казакова и др.

Вс.П. Сысоев был яркой личностью, воплотившей в себе целую эпоху. Его энергия, душевная гармония, доброта, честность, редкое обаяние, любовь к жизни – в его духовном наследии.

Выражаем глубокое соболезнование родным и близким Вс.П. Сысоева. Коллектив Гродековского музея.

О Всеволоде Петровиче Сысоеве имеются десятки воспоминаний. Наиболее значимыми в последнее время были статьи и очерки журналистов и писателей Александра Чернявского, Александра Савченко, Марины Дерило и Олега Маслова. В них дальневосточный писатель предстаёт широко известным как в нашей стране, так и в зарубежье:

Заслуженный работник культуры России,
Почетный член Российского географического общества,
Почетный гражданин города Хабаровска,
награждён национальной премией «Достойному гражданину – благодарная Россия»,

внесён в энциклопедический справочник «Великая Россия. Имена» и энциклопедию «Выдающиеся люди» Международного Биографического Центра в Кембридже.

Его биография обстоятельно прослежена: рождение в Харькове 24 ноября 1911 года, учёба и жизнь в Ялте, окончание в 1937 году Московского пушно-мехового института и вся последующая работа в Хабаровском крае; отмечены выдающиеся творческие свершения (написано семь охотоведческих, пять художественных книг, более двухсот пятидесяти статей, очерков и рассказов, ряд из которых издан на многих иностранных языках); в двенадцатилетнее руководство краеведческим музеем имени Гродекова (1960–1972 годы) произведена реконструкция его с созданием

панорамы «Волочаевской битвы», по результатам деятельности заведению присуждено звание «Лучший музей РСФСР»; отмечено расселение охотоведом на Дальнем Востоке норки, ондатры, бобра, не водившихся здесь ранее, и особо ценного бурейнского соболя.

Он являлся инициатором и активным участником в создании многих памятников культуры, и выдающихся сооружений в городе, в том числе монумента своему другу – всемирно известному автору романа «Амур-батюшка» Николаю Павловичу Задорнову.

Хабаровскому зоосаду совершенно справедливо присвоено его имя, так как он оказывал содействие в изыскании места расположения, средств на питание и содержание животных, главное же, – содействовал в решении вопроса об его учреждении.

Не обошлись без его участия закладка кафедрального Спасо-Преображенского собора и открытие памятника Е.П. Хабарову.

Всеволод Петрович поведал об одной интересной детали, связанной с созданием последнего. Когда автор А. Мильчин представил эскиз на утверждение художественного совета, специалисты обратили внимание на то, что лицо первопроходца не имеет сходства с обликом русских людей того времени. Скульптор сослался на отсутствие портрета Хабарова, с которого можно было бы сделать памятник. На это члены худсовета предложили: «Делай с Сысоева!» Так он стал прообразом памятника Е.П. Хабарова.

В воспоминаниях ряда авторов Всеволод Петрович заслуженно назван визитной карточкой Хабаровского края.

Полномочный представитель Президента Российской Федерации на Дальнем Востоке, а ещё ранее губернатор края, В.И. Ишаев, оценивая значимость писателя для города и региона, сообщил об актуальности и необходимости многих мероприятий, выдвигаемых неугомонным человеком. Все они после осуществления, в ряде случаев при его непосредственном участии, были одобрены жителями края.

Мне же хочется рассказать о событиях из его жизни, мировоззрении, о людях, с которыми он общался, и оценке им современной действительности, ставших известными в процессе двадцатилетнего дружеского общения.

Уже прикованный к постели Всеволод Петрович полушутя, полусерьёзно попросил меня написать некролог о его кончине. Считая это нетактичным и, более того, кощунственным, я этого не сделал. Прежде, чем приступить к работе над настоящей публикацией, признаюсь, пришлось преодолеть некоторую оторопь: писать о нём, это всё равно, что объять необъятное.

О том, что он был моим однополчанином по Третьей Крымской стрелковой дивизии Второго Дальневосточного фронта я узнал совершенно случайно.

Моё пребывание в ней продолжалось менее года; во время боевых действий в Маньчжурии и после них, контактов с другими частями соединения, кроме своего полка, и с Сысоевым, у меня не было. При посещении в начале девяностых годов прошлого века Хабаровского Отделения Союза Писателей Советского Союза, располагавшегося тогда в двухэтажном деревянном здании по Комсомольской улице, в фойе помещения на стенде участников

Великой Отечественной войны среди других воинов я увидел фотографию и его фамилию с сообщением о службе в названной дивизии.

Что любимый автор увлекательных произведений «Тигроловы», «Амба», «По медвежьим следам», «На тигров», повести о Золотой Ригме и других, хорошо мне известных, является соратником, стало откровением. Возникло желание познакомиться и поделиться воспоминаниями о боевом прошлом. По справочнику я нашёл его квартирный телефон. На звонок ответила жена писателя Екатерина Максимовна. Представившись, я сообщил, что с её мужем мы участвовали в Маньчжурском походе, и спросил: можно ли переговорить с ним. Она ответила, что муж постоянно живёт на даче, в городе бывает по неотложным делам очень редко, поэтому сейчас общение с ним невозможно. Связи по сотовым телефонам в то время ещё не было. С предложением съездить к ним на дачу на моём жигулёнке, где мы сможем увидеться и побеседовать с мужем, она согласилась.

С энергичной, подвижной женщиной среднего роста, такой же полноты, с серыми улыбчивыми глазами, примерно семидесятипятилетнего возраста мы встретились солнечным утром следующего дня около их дома на улице Фрунзе, недалеко от известного хабаровчанам кинотеатра «Гигант». По до-роге Екатерина Максимовна рассказала, что у них хорошая семья: две дочери (Ольга, работающая в краеведческом музее, и Татьяна – преподаватель Железнодорожного университета), имеются внуки и правнуки. Одна из внучек ещё в доперестроечное время познакомилась с немецким парнем из ГДР и вышла за него замуж. Он по окончании нашей военной академии вместе с женою уехал на родину, где занимал пост помощника заместителя министра обороны страны; после воссоединения ГДР и ФРГ оказался не у дел, переучивался и сейчас работает в административно-коммерческих структурах. В немецкой семье появилась правнучка. Внучка скучает по матери – Ольге Всеволодовне, бабушке с дедушкой, по Хабаровску, и часто приезжает сюда, радуя родных.

Встречи на даче

Свернув на 17-м километре с асфальтированной дороги Хабаровск – Владивосток налево, по разбитой дачной грунтовке, медленно поднимавшейся по северному склону сопки Двух Братьев между садовых участков и оставшихся еще от первозданной тайги деревьев, мы через полтора километра оказались на их даче, огороженной метровым штакетником. Как потом стало известно, поженились Сысоевы в тридцатых годах, когда работали в одной землепроходческой экспедиции; он – начальником, она – медсестрой, в последующем окончила финансово-экономический институт и преподавала бухгалтерию.

Хозяин дачи был рад неожиданному приезду жены и радушно встретил меня, представившегося ему. Бросились в глаза его высокий рост, крепкое телосложение и гвардейская подтянутость, окладистая седая, совершенно белая борода и благожелательные молодые глаза. Дачник был одет в

немудрёную одежду, удобную для физической работы, которой он, как выяснилось, занимался с удовольствием. Меня, тоже дачника, удивили обильно плодоносящие фруктовые деревья, ягодники и овощные культуры. Знакомя с насаждениями, исследователь и любитель местной природы давал им обстоятельную характеристику: откуда приобретено растение, название его и особенности. Здесь курчавилась экзотичная стелющаяся микробиота, произрастающая в субтропиках, с листьями-иглами, как у кипариса, лианы дикого дальневосточного винограда, лимонника, актинидии, абрикос, выведенный академиком Г.Т. Казьминым и им же лично по-дружески посаженный. Радовали глаз созревающие плоды яблонь, груш, слив и вишен местной селекции. Несколько многолетних могучих пихт и лиственниц дополняли местный колорит и вводили в ландшафт уникальных произведений писателя. Украшали дачу розы, гладиолусы, пионы и многочисленные другие цветы, лелеемые Екатериной Максимовной. Некоторые хорошо ухоженные овощные грядки по необычному для Дальнего Востока были обложены камнями. Всеволод Петрович сообщил, что такое ограждение заимствовано из Крыма, где оно широко применяется: там много камней и мало древесины.

В центре участка располагался деревянный домик с кирпичной печью, обставленный по тем временам добротной мебелью. В нём можно было, отапливаясь, проживать и в зимнее время. Имелась открытая веранда, примыкающая к времянке-кухне, огороженной с одной стороны деревянной крашеной в белый цвет решёткой. О решетке. При реконструкции краеведческого музея она была выброшена на свалку, как ненужная, подлежала разрушению-сожжению, чего Всеволод Петрович не мог допустить, как преемник и почитатель Владимира Клавдиевича Арсеньева, сфотографированного на её фоне, когда он возглавлял музей. Преодолевая возможное обвинение в неблаговидности поступка, краевед нашёл применение изделию на даче, и оно постоянно напоминало об уважаемом дальневосточном первопроходце, служило экзотичным музейным раритетом, о котором упоминалось посетителям.

Столь подробное описание дачи объясняется тем, что именно она являлась местом многих встреч автора «Золотой Ригмы» с посещавшими Хабаровск выдающимися людьми. Однополчанина восхищало совместное произрастание на Дальнем Востоке растений сурового севера и субтропиков: сосны, пихты, лиственницы с виноградом, лимонником и другими лианами, маньчжурским орехом, бархатным деревом, аралией, с чудесным целительным женьшенем. С гордостью за регион им констатировалось обитание в здешней тайге многочисленных диких зверей, птиц, сохранившихся ещё популяций тигра и леопарда, а в водах – изобилие рыбы, включая редкостную калугу и лососевых. Отличное знание местных народно-хозяйственных, особенно естественно-географических условий, флоры и фауны региона, поведения животных и способов охоты и рыбной ловли, громадная эрудиция и многогранная деятельность хозяина в сочетании с уникальностью дачного участка, а, главное, широкая его российская и

зарубежная популярность, позволяли и даже вынуждали власти города и края, рекомендовать встречи знаменитостей именно с Сысоевым.

Вспоминая боевой путь дивизии в войне с японцами, мы как будто снова совершили тяжелейший марш от нашей амурской Константиновки до китайского города Бейя-Чжень, взятие под Суну мощного укрепленного района Квантунской армии, принятие в плен многотысячной группировки противника, потери в бою дорогих нам товарищей. Особенно с сохранившимся до сих пор чувством негодования вспомнили ночное нападение японских воинов на палатку медсанбата, уничтожение находившихся в ней в основном медсестер-девушек и раненых. Всеволод Петрович с удовлетворением поведал о том, как он, будучи заместителем командира батальона по снабжению, сумел порадовать находившихся на излечении раненых воинов. В обмен на трофейные японские ботинки, непригодные у нас к носке, местный кондитер-грек по его инициативе изготовил до двухсот небольших тортов, поданных в дополнение к скудному солдатскому пайку каждому болящему.

По поводу лежащей на столе книги об адмирале Колчаке дачник с сожалением сообщил, что в советское время тому давалась исключительно негативная характеристика (реакционер, мракобес и прочее). А ведь он был не только выдающимся флотоводцем, но и высококультурным человеком, ещё и учёным, сделавшим открытие в Северном Ледовитом океане, высоко оцененное Российским Географическим обществом, что упорно замалчивалось. Обвинение адмирала в кровопролитии, когда он командовал войсками Белой армии Сибири, несостоятельно: Красной армией в это время уничтожено не меньшее количество русских людей и до сих пор не доказано, кто прав, а кто виноват в жертвах гражданской войны. Здесь же в связи с идентичностью наших фамилий, говоря о Григории Ефимовиче Распутине, Всеволод Петрович сообщил, что в последнее время в прессе появились публикации, характеризующие его как человека, правильно по-простонародному оценивавшего тогдашнюю обстановку в стране и дававшего разумные рекомендации государю. Его способности в лечении цесаревича Алексея превосходили все, имевшиеся тогда научные методы исцеления гемофилии, и доныне врачами они не раскрыты и не опровергнуты. А это по-человечески позволяет понять благорасположение царственных родителей к сибирскому знахарю за успешное лечение их ребёнка.

Во время этого визита и последующих встреч стало известно о посещении дачи А.П. Окладниковым, Нобелевскими лауреатами А.И. Солженицыным и М.А. Шолоховым, шахиншахом Ирана Реза Пехлеви, чехословацкими путешественниками Иржи Ганзелкой и Мирославом Зигмундом, а также поэтом Константином Симоновым. Однополчанин искренне почитал и справедливо очень высоко оценивал роль автора «Тихого Дона». Трагедию Григория Мелехова он переживал настолько глубоко, что при чтении в юности, признался, она вызывала у него слёзы. В свою очередь, лауреат восторгался книгами Сысоева и говорил: «При чтении их так и

кажется, что из-под стола или из-за шкафа выскочит соболь, норка или иной зверь». Сообщаю о двух событиях, касающихся М.А. Шолохова, поведанных мне дачником.

Об известном эпизоде, о готовившейся НКВД в расстрельном 1937 году расправе «за антисоветскую деятельность» с проживавшим в станице Вешенской – М. А. Шолоховым сообщаю в изложении Всеволода Петровича, ставшим ему известным, со слов самого «преступника». Ростовским на Дону Управлением Внутренних Дел в то время было принято решение репрессировать писателя; найден лжесвидетель, по клеветническим показаниям которого должна была состояться злодейская акция. Однако осведомитель, давший согласие оговорить Михаила Александровича, одумался, придя к нему, покался в грехопадении и рассказал о нависшей над тем угрозе. Тогда они уже вдвоём обратились к симпатизировавшему писателю секретарю райкома партии и рассказали о задуманной расправе. Втроём решили обратиться к Сталину лично, так как только он мог предотвратить репрессию. Ехать прямо в Москву из-за слежки было опасно: их бы просто сняли с поезда. Беглецы осуществили обманный маневр: взяли билеты на Баку, туда и выехали, усыпив бдительность чекистов, и уже в дороге, пересев на встречный поезд, оказались в столице. Там Шолохов через помощника вождя Поскрёбышева попросил аудиенции у генсека, на что получил положительный ответ с просьбой подождать. Приглашение на приём последовало после долгого ожидания.

Ростовчан Сталин принял в присутствии членов Политбюро. Ходя со своей неизменной трубкой по кабинету, остановился около несостоявшегося доносчика и с присущим ему грузинским акцентом, обращаясь к присутствующим, констатировал:

– Вот я вижу, посмотрите в глаза этого честного человека: он не может дать лживых показаний, оговорить невинного.

Партийному секретарю был задан вопрос:

– Почему вы о готовившейся несправедливой акции против Шолохова не обратились с целью предотвращения её на месте к секретарю обкома партии?

– Товарищ Сталин, – ответил партработник, если бы я обратился к секретарю обкома, то мы не имели бы возможности выехать сюда и встретиться с вами.

Такой ответ удовлетворил генсека, и он заметил, что визитёры поступили правильно. Писателю же был задан вопрос:

– Товарищ Шолохов, говорят, вы злоупотребляете спиртными напитками? – на что тот ответил:

– От такой жизни, товарищ Сталин, запьёшь поневоле.

– И то правильно, – согласился руководитель страны.

В заключение приёма, обращаясь к присутствующим, генсек огласил вывод о невинности приглашенных, сняв, таким образом, с них обвинение перед любыми властными инстанциями. Напрашивающиеся суждения в связи с приведенным эпизодом о порядках в государстве того времени

рассказчиками не давались, воздерживаюсь от них и я ввиду неуместности в настоящей статье.

Второй эпизод. Ещё в бытность генсеком Хрущева в «Литературной газете» за подписью известного автора появилась разгромная статья по творчеству Шолохова, где он обвинялся в изображении главными героями «Тихого Дона» руководителей реакционного казачества, в симпатии к ним и в других смертных грехах. Сысоев, возмущённый клеветой на писателя, направил в защиту обвиняемого письма в три инстанции: автору пасквиля, в газету и в ЦК КПСС, в которых была дана оценка несправедливым обвинениям, газету просил опровергнуть ложь. Вскоре в ней появилось несколько статей, реабилитирующих вешенца, а из ЦК за подписью Н.С. Хрущёва пришла срочная телеграмма с уведомлением, что руководство страны не допустит посрамления его. Причём она была объявлена инициатору в спешном порядке заведующим отделом крайкома партии на улице города, где он был найден идущим с работы домой.

Здесь же я услышал об интересном событии, происшедшем с Константином Симоновым, и историю создания им популярного произведения. При их встрече Всеволод Петрович сообщил, что среди многих произведений поэта ему больше всего импонирует стихотворение о жизни и деятельности фронтовых корреспондентов, начинающееся со слов «От Москвы до Бреста нет такого места». На него ещё была написана М. Блантером музыка, и пес-ня широко исполнялась на эстраде; больше того, в народе куплеты шедевра гуляли на мотив популярной Мурки. После этого при встрече с читателями автор упомянутого стихотворения рассказал историю его создания. В начале войны во время отступления наших войск он на автомашине вместе с отходящими частями прорывался к удерживавшейся нашими войсками линии обороны. Отступавшие подверглись жесточайшей артиллерийской обработке и бомбёжке с воздуха противником. По его словам вырваться из пекла удалось очень немногим, в том числе их машине. При движении с многочисленными остановками и драматическими приключениями поэт, многократно произносил слова, отражающие происходящее на огромном пространстве и вошедшие в последующем в названное стихотворение. Шофёр, оценивая по-своему поведение пассажира, пришёл к выводу, что тот во время бомбёжки тронулся умом и по прибытии во встретившийся на пути медсанбат доложил о своём наблюдении начальству. Из батальонной кухни им подали неплохой обед, во время которого в помещение вошли два крупного телосложения солдата, одетых в медицинские халаты, видимо, для усмирения помешанного, и присутствовали до конца трапезы. Недоразумение было рассеяно появившимся в конце обеда начальником медсанбата, узнавшим Симонова и рассказавшим ему о сути принимаемых мер и извинившимся за бестактность.

Посетившего Хабаровск шахиншаха Ирана Пехлеви охотовед познакомил с уникальными особенностями дальневосточной природы, показал медвежью берлогу и как местный экзотичный презент вручил ему заспиртованный корень женьшеня, сообщив при этом, что он является

отличным тонизирующим средством и повышает мужскую потенцию. Поблагодарив за подарок, гость, улыбаясь, сообщил:

– Многожёнцем был по традиции и вере ещё мой отец. У меня же по современному одна жена, – дав этим понять, что нужды в возбуждении потенции не имеется.

О состоявшемся посещении В.П. Сысоева А.И. Солженицыным я узнал при очередном дружеском визите, нанесённом мною дачнику. Возвращаясь в 1994 году на родину из американского штата Вермонт, Нобелевский лауреат сделал остановку в Хабаровске, где состоялись его встречи с краевыми властями и горожанами. После обычных слов приветствия и беседы за чашкой чая однополчанин спросил меня, ходил ли я на встречу с прославленным писателем. Я ответил, что отследил его пребывание у нас по телевидению, радио и газетам, а на встречу по ряду причин пойти не смог. А когда я спросил, встречался ли он с Солженицыным, был огорошен сообщением:

– Александр Исаевич сам навестил меня вчера и сидел на том же стуле, на котором сейчас сидишь ты, – и рассказал о ходе встречи. Связь между мною и автором «Архипелага Гулага» через стул удивила. Всеволода Петровича волновал вопрос о просочившемся в печати якобы отрицательном мнении Солженицына об авторстве Шолохова «Тихого Дона». На вопрос, заданный напрямую, Солженицын сообщил об ошибочности этих сведений. Содержание многочасовой беседы двух, умудрённых жизненным опытом писателей, остаётся за кадром: у Всеволода Петровича не возникло желания подробно поделить им со мною, а у меня – расспрашивать его. Осталось невыясненным сообщение лауреата о народностях Северного Кавказа при разрушении СССР. В одном из своих произведений об устройстве России он высказал мысль, что этносы должны выйти из Федерации и стать суверенными, с чем был не согласен дальневосточник, а его прогноз, как в последующем выяснилось, оказался справедливым, и подтверждён вышедшими из-под юрисдикции Грузии её провинциями Абхазией и Южной Осетией, их союзом с Россией. Оценивая поведение своих соседей-дачников, он сообщил об особенности их отношения к визиту мировой знаменитости. Когда на дачу привезли на грузовике навоз, многие приходили и расспрашивали: где купил, сколько стоит, можно ли и им там приобрести это удобрение. Однако длительное пребывание на даче Солженицына с семьёй, корреспондентами телевидения и кино, приехавших на нескольких автомашинах, никого не заинтересовало.

Творческое содружество Сысоева, переросшее в личную дружбу с Алексеем Павловичем Окладниковым, академиком АН СССР, археологом, историком и этнографом Сибири, Дальнего Востока, Монголии и Средней Азии, Героем Социалистического Труда, многократно посещавшим его дачу и квартиру, продолжалось длительное время. Учёные вместе были в экспедициях, в том числе на реку Девятку Солнечного района, где в процессе археологических изысканий ими обнаружены экспонаты быта и культа древнейшей народности чжурчжэней, характеризующие уровень её

цивилизированности. Интересная деталь, свидетельствующая о степени уважения Всеволода Петровича к именитому академику: на упомянутой реке была найдена древняя нефритовая блесна для ловли рыбы; ревностно относящийся к сбору экспонатов в возглавляемый им музей, дальневосточник всё-таки подарил её уважаемому другу. Я услышал рассказ Всеволода Петровича о случае, подтверждающем пословицу: «На ловца и зверь бежит». Во время их прогулки по алее парка, находящегося на берегу Амура, Алексей Павлович споткнулся о попавшийся под ногу какой-то камень; заинтересовавшись его видом, он попросил откопать загадочную помеху пешеходам. Просьба была выполнена: при вскрытии этим предметом оказался древний горшок обитавших здесь некогда упоминавшихся аборигенов.

Создание монументов

Я участвовал в ряде мероприятий, осуществляемых зачастую по инициативе соратника.

Эпизод гибели и захоронения легендарного Дерсу Уза-ла известен всему миру по произведениям В.К. Арсеньева. Это произошло у ручья на окраине посёлка Корфовского около трёх высоких сосен. Почитая первооткрывателя и исследователя Уссурийского края и его проводника, Всеволод Петрович решил увековечить память о них. Ещё до встречи со мною в шестидесятых годах прошлого века по его просьбе с каменного карьера на западную окраину посёлка была доставлена гранитная глыба диаметром полтора-два метра, на которую масляной краской нанесено имя проводника. Когда мы в 1997 году съездили туда, то обнаружилось, что место для памятника выбрано неудачно: заболоченность, камень просел, вокруг лужи, не позволяющие подойти к нему. Надпись стерлась и еле просматривалась.

Было решено переместить памятник на сухое место и поставить, по возможности, на могилу. Мы попытались найти место захоронения и опросили многих жителей посёлка. За истекшее время кардинально изменилась местность, стоящих у ручья трёх сосен не обнаружили, из старожилов уже никого не осталось, опрос не внёс ясности. Оставалось лишь одно достоверным: захоронение находится вблизи ручья, где около потухшего костра Арсеньев обнаружил труп своего товарища по путешествиям, и где он был захоронен. После этого гранитная глыба была перемещена ближе к ручью, поставлена на бетонный фундамент, а на отшлифованной её поверхности выгравирована несмывающаяся надпись имени нанайца, и сбоку – текст: «Памятник воздвигнут на месте гибели в 1908 году Дерсу Узала – проводника В.К. Арсеньева. Благодарные дальневосточники-россияне. 1997 год». Открытие памятного знака, приуроченного к 125-летию со дня рождения Владимира Клавдиевича, произошло осенью в присутствии и с участием представителей властей края, города, Хабаровского райисполкома, поселкома, краеведческого музея, учащихся местной средней школы и жителей посёлка. Он и сейчас

незыблемо стоит в пятидесяти метрах от трассы Хабаровск-Владивосток, являясь визитной карточкой селения. Хочется отметить два обстоятельства: Всеволоду Петровичу при немалых хлопотах о памятнике было уже 86 лет; средств на установку сооружения никем не выделялось, всё делалось в порядке уважения к популярному писателю – имя его являлось своеобразным паролем к действиям, в том числе и затратным.

Довелось участвовать в установке по инициативе боевого товарища мемориальной доски на здании бывшего партпроса крайкома партии по улице Ленина, где происходила встреча Шолохова с общественностью города при поездке в Японию. Мероприятие проходило с участием городских властей, от писательской организации с речью о непреходящих заслугах перед русской и мировой культурой создателя «Тихого Дона» выступил талантливый широко известный писатель Н.Д. Наволочкин. Уважение и почитание моим однополчанином Шолохова простиралось настолько, что он поддерживал с ним постоянную связь, а после его кончины до конца своих дней с его родственниками. Самой высокой из имеющихся наград и оценок Всеволод Петрович считал данную ему в реплике Шолохова, высказанной как бы вскользь в присутствии провожающих в аэропорту:

– Очень жаль, что выветриваются из русских людей черты характера, которые присущи Всеволоду Петровичу.

Открытие парадной лестницы-спуска с Комсомольской площади к Амуру в начале двадцать первого века по образцу одесской, одним из инициаторов которой был Сысоев, явилось для города настоящим праздником. Мероприятием руководил министр культуры края; присутствовали представители властных структур города и региона, горожане и строители. Выступающие по этому поводу на митинге, проводившемся на нижних ступенях сооружения, восхищались замечательным украшением города, благодарили строителей за содеянное. Наиболее ярким было выступление Всеволода Петровича, одобренное бурными аплодисментами собравшихся, похожими на овации, воздаваемые прославленным артистам за исполнение шедевров сценического искусства. Кроме радости по поводу открывшегося замечательного вида на Амур в связи с оконченной стройкой в его речи прозвучала гордость за родной город и признательность людям, украшающим его. Особая значимость заключалась в том, что её произносил прекрасным образным русским языком отлично известный горожанам любимый, мудрый писатель и общественный деятель.

Упомянутый памятник Н.П. Задорнову воздвигнут в 1991 году по инициативе моего однополчанина, на средства сына писателя Михаила Николаевича, известного писателя-сатирика и популярного артиста. Немалое участие В.П. Сысоева в его создании, мне известно, состояло в подыскании и согласовании с властями города места для установки памятника, определении автора скульптуры, изыскании металла на сооружение. При этом многое станет понятным, если сообщить, что между писателями Всеволодом Петровичем и Николаем Павловичем, когда тот проживал на Дальнем Востоке, были по-настоящему дружеские отношения, больше того,

они дружили и семьями. Непрерывающаяся переписка писателей продолжалась до самой их кончины, а семейная дружба сохранилась до сего времени: бывая с концертами в Хабаровске, Михаил Николаевич останавливается у Сысовых, точно так же, Сысовы, бывая в Москве, останавливаются у Задорнова. Не могу не обратить внимания на два замечательных обстоятельства. Истинная дружба между людьми, в соответствии с многовековыми российскими традициями сохраняется даже и после того, как друг переселяется в мир иной. Жива еще на Руси божеская заповедь: «Чти отца своего», хотя многое сделано, чтобы посрамить её. Сооружение памятника обошлось Михаилу Николаевичу в немалую сумму, при нынешних-то соблазнах этим средствам нашлось бы много путей для применения, однако он выполнил свой сыновний долг. О памятнике. Писатель скульптором Владимиром Фёдоровичем Бабуровым изображён сидящим на добротном гранитном фундаменте, с устремлённым взглядом на родную прославленную им реку. Монумент расположен на берегу, недалеко от речного вокзала и городского пляжа, обращая на себя внимание пассажиров, посещающих пляж и гуляющих здесь горожан.

Писатель является инициатором установления памятника первостроителю города Хабаровска Якову Васильевичу Дьяченко. Эту идею воплотил в жизнь его друг, много лет руководивший Центральным районом города Александр Михайлович Фокин, при поддержке мэра города Александра Николаевича Соколова.

В середине 90-х годов прошлого века, возвращаясь от Сысовых домой, мы с женою зашли в широко известный Артподвальчик, где на стенде "Годы и люди" среди известных стране и краю горожан была помещена биография Всеволода Петровича. В ней обратило на себя внимание письмо французской школьницы. Девочка сообщает, что с большим удовольствием прочитала изданную там книгу писателя о дальневосточных зверях и суровой природе, за что благодарит его и с детской непосредственностью высказывает своё желание выслать «господину писателю» тепло. Нас порадовало, что произведения дальневосточника пользуются популярностью не только в России, но и за её пределами, особенно у детей.

Заповеди писателя

Один из авторов в своём очерке сообщил о «Непременных заповедях Всеволода Сысова:

- лучше быть обиженным, чем обижать;
- довольствоваться малым;
- никому не завидовать;
- брать от людей как можно меньше и как можно больше отдавать себя людям;
- стремиться обогатить природу;
- делать то, что приносит пользу людям;

- считать земными богами русских апостолов: Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого;
- стремиться украсить место, где жить тебе велит судьба;
- и падшую женщину нельзя ударить даже цветком».

Своеобразная трансформация библейских заповедей и так называемого «Морального кодекса строителей коммунизма» конечно же, вызывает одобрение и восхищение, тем более что, по многолетнему наблюдению, они неукоснительно соблюдались самим Всеволодом Петровичем. Мне в связи с этими мировоззренческими ремарками писателя хочется поделиться мнением о его философских взглядах, ставших известными из дружеских бесед. Вполне определённо могу сказать, что учение Маркса-Ленина, как догма, особенно о диктатуре пролетариата с невиданным в мире кровопролитием, о дефектности социалистической плановой экономики, послужившей одной из причин разрушения СССР, ему было чуждо. Сущность иудаизма, как основы философских взглядов её приверженцев, с их поклонением «золотому тельцу», означает, говорил собеседник, древнейший постулат: «Человек человеку волк». В противовес ему приводилось учение китайского философа шестого века до нашей эры Конфуция, одним из главных заветов которого являлось требование «Не делать людям того, чего не хочешь, чтобы они делали тебе». При этом он подчёркивал, что завещание древнего мудреца по существу означает христианскую заповедь: «Возлюби ближнего как самого себя».

Как и все русские старшего поколения, он был крещён. Неистойой веры в Бога с обязательным посещением храма, чтением молитв соблюдением постов и иных ритуалов, характеризующих верующего, я не видел. Семидесятилетний воинствующий атеизм, когда неверие в Бога считалось нормой, а вера – преступлением, сказалось на всех советских людях, в том числе и на нём. Но участие в закладке кафедрального собора, и наши многократные беседы о судьбах православия, его распоряжение дочери, чтобы был погребён по христианскому обычаю, что и было сделано, дают основание характеризовать друга как христианина.

Квартира Сысовых

Квартира Сысовых находится на пятом этаже дома сталинской постройки с потолками нормальной высоты и лестницами с высокими по сравнению с хрущёвками маршами. Для пожилых людей подъёмы по ним затруднительны, поэтому Всеволод Петрович и Екатерина Максимовна в последние годы своей жизни, обремененные неизлечимыми недугами, уже не выходили даже во двор. На мой вопрос жене писателя при знакомстве, почему так высоко расположена их квартира она ответила:

– Была, конечно, возможность получить квартиру этажами пониже, но именно эту выбрал сам муж: с неё открывался прекрасный вид на любимый им Амур с заливами и плёсами, снующими вверх и вниз кораблями и

лодками. С течением времени вид на реку закрыли построенные высотные здания, а менять жилище по ряду причин уже было поздно.

Обитель человека, её величина и убранство объективно характеризуют хозяина. Их жилище представляет собой двухкомнатную квартиру общей площадью не более шестидесяти квадратных метров. Одна комната обращена окнами на восток, другая – кабинет писателя, в которой он обитал до самой кончины, – на запад. Ко времени нашего знакомства они проживали вдвоём с женою, а при обрушившихся на родителей тяжёлых недугах, поселилась туда Ольга Всеволодовна, заботливо ухаживавшая за ними. Пример общечеловеческой дочерней любви к своим немощным предкам! Помещение являлось своего рода филиалом краеведческого музея без заимствования отсюда раритетных экспонатов: на стенах красовались пейзажи и картины местных художников, изображающие эпизоды охоты, имелась картина, запечатлевшая тигроловов, укрощающих в зимней тайге лютого зверя; видное место занимала чугунная скульптура бурого медведя. Все картины и другие экспонаты имели дарственные надписи поклонников писателю. В довершение описания квартиры следует добавить библиотеку из многих тысяч томов в основном русских писателей. А об особой симпатии охотоведа и любителя дальневосточной природы свидетельствовала обложка части стены его кабинета над рабочим столом корою бархатного дерева. К характеристике их квартиры, впрочем, как и всех квартир советской постройки, следует отнести обширную кухню, выполняющую одновременно и функцию столовой для семьи и немногих гостей.

Квартира, особенно в зимнее время и постоянно в последние годы жизни друга, была своеобразной Меккой для местных и иногородних работников культуры, общественных деятелей, представителей власти, краеведения и охотоведения. К мудрому хозяину обращались за советом и оказанием помощи в осуществлении задуманного, за рецензией на издаваемую книгу или отзывом на неё, за рекомендацией в союз писателей, многие считали обязанностью и честью для себя нанести визит прославленному Почетному гражданину города. В числе визитеров, кроме упомянутых выше, были писатель из Санкт-Петербурга Олег Михайлович Гусев, директор Центра педагогической реабилитации подростков Александр Геннадиевич Петрынин, епископ Хабаровский и Приамурский Марк, представители Амурского казачьего войска, руководитель местного центра микрохирургии глаза Виктор Васильевич Егоров, ректор Хабаровской академии экономики и права Владимир Алексеевич Лихобабин, директор института водных и экологических проблем Борис Александрович Воронов, самобытный художник из Амурска Александр Андреевич Реутов, учителя, школьники. Все они получали квалифицированные советы, рекомендации и содействие, а в ряде случаев даже в приобретении квартиры. Визитёрам гостеприимным хозяином, как правило, по старинному русскому обычаю предлагался чай, заваренный с экзотичными местными ароматическими целебными травами, а иногда и отличное вино, приготовленное из своего дачного винограда.

Одним из самых значимых соратников и посетителей квартиры в последнее время был Председатель Совета почётных граждан города Хабаровска профессор медицины Анатолий Алексеевич Константинов, участник Великой Отечественной войны, носящий до сих пор в голени ноги 27 осколков немецкой мины. Вместе с ним ветераны разрабатывали мероприятия по благоустройству города, созданию памятников выдающимся людям Дальнего Востока, культуры и природы, оказанию помощи товарищам, самое главное, – вносили их на утверждение властей и добивались претворения в жизнь. Анатолий Алексеевич был неперменным участником юбилейных событий своего товарища: инициатива по их организации, выступление с яркими речами, характеризующими юбиляра.

Бывал здесь и талантливый широко известный писатель-фронтовик Владимир Иванович Клипель, которому Всеволод Петрович содействовал при внедрении в писательскую организацию и приобретении популярности у читателей. Их связывало продолжительное редактирование книг в издательстве "Мужество", учреждённом Коллегией ГОСКОМИЗДАТА РСФСР для строителей БАМа и тружеников ударных строек Сибири и Дальнего Востока, а также ряд совместно проводимых мероприятий. Они продолжительное время дружили семьями. Мне посчастливилось быть удостоенным их одновременным посещением моей квартиры в связи не помню уж с каким событием. Прославленные писатели за чашкой чая «вспоминали прошедшие дни и битвы, где вместе рубились они». Была дана зрелая оценка шедшей в стране с размахом перестройке, плюсам и минусам новоявленного рынка. Визитёры припомнили совместный поход на Баджал в поисках подходящего места для предполагающегося расселения бобра и приключение при этом с обувью Владимира Ивановича. При движении по гористой и болотной таежной местности его сапоги развалились, пришлось их наспех скреплять веревками и шить ичиги из шкуры убитого животного, в которых он шёл до ближайшего селения, где смог приобрести армейские сапоги.

Народный художник Геннадий Павлишин, выразительные иллюстрации которого украшают многие книги Всеволода Петровича, многократно по-дружески навещал его жилище. Посещения маститого мастера, естественно, сопровождались беседами о культурной жизни в крае и стране, о судьбах искусства и событиях, происходящих в государстве.

Отношения Всеволода Петровича с властями, и особенно краевыми, были взаимно уважительными. Его художественные произведения предстают деидеологизированными, по существу являются исследовательскими относительно природы Дальнего Востока: поведение диких зверей, способы охоты, жизнь и нравы охотников, экология, сбережение местных естественно-географических богатств. Медведи, тигры, драгоценный бурейский соболь – все чужды политике. Патриотизм к родной земле, воспитываемый книгами охотоведа, не мог навлечь на него недовольства правителей, а, наоборот, заслуживал поощрения. Из всех руководителей Хабаровского края и всего дальневосточного региона Всеволод Петрович с

признательностью и похвалой отзывался о генерал-губернаторе Восточной Сибири Николае Николаевиче Муравьёве-Амурском. Равным ему по значимости практических свершений назывался губернатор края, а в последующем Полномочный Представитель Президента и министр РФ, удостоенный звания академика РАН, Виктор Иванович Ишаев. Назывались его выдающиеся достижения: реконструкция моста через Амур, строительство газопровода от Комсомольска-на-Амуре до Хабаровска, а позднее – на Владивосток, шоссе Хабаровск–Чита, Лидога–Ванино, ряда больших объектов в краевом центре, – главное, упорное квалифицированное успешное отстаивание в период кризиса и перестройки интересов восточной провинции России. Из бывших первых секретарей Крайкома КПСС с теплотой упоминалось имя Алексея Павловича Шитикова, который оказывал содействие по реконструкции музея краеведения, с пониманием относился к ведению охотничьего хозяйства края.

У писателя была систематическая связь с казаками. Он неоднократно подчёркивал их большое значение как воинского формирования в создании Российской империи и защите её от внешних посягательств, а также как эффективных земледельцев, обеспечивавших в значительной степени страну продовольствием. Положительное отношение к ним объяснялось ещё и тем, что в произведениях его любимых писателей В.К. Арсеньева и М.А. Шолохова они предстают главными персонажами. В местной газете «Казачий Дозор» было опубликовано несколько его статей о необходимости действительного воссоздания казачьего сословия. Всеволод Петрович был принят в состав Амурского Казачьего войска, больше того, ему присвоено звание есаул, а позже – полковник, с вручением мундира и атрибутов войскового достоинства, включая кинжал и саблю. Станичники при его недугах в последние годы жизни осуществляли над ослабевшим товарищем достойное шефство, что было значимо при выполнении некоторых хозяйственных работ.

Востребованность и знаки внимания

О широкой популярности и востребованности писателя свидетельствует лестное предложение Союзных властей о назначении его ещё в молодые годы директором-хранителем музея-усадьбы Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне. Ему была предоставлена возможность посетить исторически значимый памятник и ознакомиться с ним. Всеволод Петрович, вспоминая это событие, рассказывал: «Я обошёл владение графа, а оказавшись в его кабинете, где рабочий стол, стулья, вся обстановка напоминали о гениальном писателе, посчитал себя недостойным находиться в этом помещении и в усадьбе, представлять великого, прославленного во всём мире человека и от предложенной должности отказался». Было ещё не менее престижное предложение – обучать наших космонавтов выживанию в экстремальных условиях, что было отвергнуто с

отданием предпочтения огромному полю деятельности на симпатичном ему Дальнем Востоке.

Многие задуманные Всеволодом Петровичем мероприятия осуществлялись с преодолением сопротивления несогласных рутинёров или полностью отвергавших намеченное, или вносивших свои необоснованные предложения. Это, в частности, относится к созданию панорамы «Волочаевской битвы» и расселению бобра на территории Хабаровского края. Имелась конфликтная ситуация с первым секретарём крайкома КПСС А.К. Чёрным.

Уже в преклонном возрасте, когда неотступные недуги ограничивали физические нагрузки соратника, он не мог оставить без оказания помощи, нуждающихся в ней. Правоохранительными органами было возбуждено необоснованное уголовное преследование члена их дачного общества за совершение тяжкого преступления. Зная фактическое положение происшествия, писатель обратился в прокуратуру края с просьбой обстоятельно разобраться в деле и не допустить несправедливости. С учётом доводов, изложенных правдолюбцем, найден был действительный преступник, а дачник оправдан. У Всеволода Петровича были установлены хорошие отношения с детским домом для слабо развитых детей. Перед ребятами он выступал с беседами.

В ноябре 2001 года отмечен девяностолетний юбилей В.П.Сысоева. Празднество проходило при содействии администрации края в престижном здании региона с участием краевых властей всех уровней, творческих организаций Дальнего Востока, руководителей высших учебных заведений, артистов театров, друзей и почитателей писателя. Мероприятие осуществлено как знаменательная дата в жизни края. В поздравлениях участников торжества отмечены большие заслуги юбиляра как писателя, заслуженного деятеля культуры и охотоведа; объявлено решение учёного совета Академии Экономики и Права о присвоении ему звания Почетного Профессора. Более того, правда, с меньшим размахом был отмечен и его девяностопятилетний юбилей. Достойным чествованием всемирно известного человека администрация не только отдавала должное писателю-патриоту, заботе властей о культуре и просвещении населения, но и способствовала укреплению своего престижа.

При длительном общении с другом-однополчанином у меня сложились стихотворения, характеризующие его.

От военных маньчжурских дорог,
Бейя-Чжэня, Суну, Сахаляна
Отделяет в полвека нас срок,
А былое стоит без изъяна.

Бой, потери друзей молодых,
По врагу залпы мощных орудий,

Поиск ночью взводов удалых
И пленённых оружия груды.

А потом мир зверей, рыб и птиц,
Обретение истин и ритма,
Откровенья на сотнях страниц,
Золотая проказница Ригма.

* * *

Любя дальневосточный дивный край
Обогатил его роскошным мехом,
Созданию монументов ходатай
И знаменитых принимал с успехом.

Лауреаты Нобеля среди них
Солженицын с Шолоховым были,
Был шахиншах между гостей иных
Ганзелка с Зигмунтом гостили.

Есть мудрая пословица у нас:
Скажи, кто у тебя друзья и гости,
Ответить, что и ты такой же князь
Окажется любому просто.

Восхищало и удивляло знание и чтение соратником на память многих стихотворений Пушкина, Лермонтова, Тютчева, А.К.Толстого. После нескольких операций по поводу урологии, зная неутешительный прогноз врачей, он с оптимизмом при встрече произносил строки из стихотворения А.С. Пушкина:

Я ускользнул от Эскулапа
Худой, обритый – но живой;
Его мучительная лапа
Не тяготеет надо мной.

С большой похвалой он отзывался о поэзии М.Ю. Лермонтова, сожалея о гибели его в молодом возрасте; лучшим поэтом Советского времени называл Сергея Александровича Есенина.

Даже надгробие над могилами Сысоевых, оформленное по его указанию, характеризует облик дальневосточного писателя и патриота. Оно выполнено не из отшлифованного мрамора с неизменными фотографиями, указанием чинов, званий и заслуг. Материалом для него избрана каменная глыба с Корфовского карьера. Только небольшая часть её поверхности отшлифована для нанесения необычной скромной надписи. После имён Всеволода Петровича и Екатерины Максимовны на ней выгравировано:

«Они при жизни были неразлучны. Не разделила их и мать – сыра земля». Эпитафия свидетельствует о христианской ли, или общечеловеческой супружеской верности, о непреходящей, высоконравственной значимости брака и семьи в жизни общества и государства. Это своего рода завещание живущим.

Кроме упомянутых знаков внимания и почестей Всеволоду Петровичу, решением властей с одобрения региональной общественности на здании краеведческого музея торжественно установлена мемориальная доска с указанием времени, когда он руководил этим учреждением, а на Сихотэ-Алине хребет и одна из высот названы его именем.

Сентябрь, 2012 года Константин Распутин

Весной этого года, не дожив несколько месяцев до своего столетия, ушёл из жизни замечательный человек Всеволод Петрович Сысоев – участник Великой Отечественной войны, Почётный гражданин города Хабаровска, заслуженный работник культуры РСФСР, учёный, краевед, общественный деятель, автор десятка книг, одна из них – «Золотая Ригма», обошедшая весь мир. Его имя внесено в 15-й том энциклопедии «Выдающиеся люди», издаваемой Международным биографическим центром в Англии в городе Кембридже.

В честь столетия со дня рождения В.П.Сысоева (24 ноября 2011 года) состоялось открытие мемориальной доски на здании Хабаровского краеведческого музея имени Н.И.Городекова. И это не случайно, именно здесь Всеволод Петрович проработал более 12 лет.

В январе 1966 года было создано Хабаровское краевое отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. В избранный совет и президиум вошли известные писатели, историки. Всеволод Петрович был избран заместителем председателя президиума. Именно на его плечи легла основная организационная и просветительская работа, которую он с честью выполнял до 1973 года.

На первой же конференции Всеволод Петрович поднял вопрос о восстановлении памятника Н.Н.Муравьёву-Амурскому. В течение шести лет Всеволод Петрович встречался с первыми лицами края, писал в ЦК КПСС, в министерство культуры, но его просьбы долго оставались не услышанными.

Только в 1992 году, наконец, памятник Н.Н.Муравьёву – Амурскому – генерал-губернатору Восточной Сибири восстановили. «И то, что Николай Николаевич взойшёл на свой постамент, я очень рад»,- писал Всеволод Петрович.

1966год. Надо заметить, что в музее у Всеволода Петровича было предостаточно работы. Не меньше её было и в обществе охраны памятников. По краю продолжали создаваться районные отделения, составлялся перечень памятников края, проводились благоустроительные работы у имеющихся памятников, создавались новые.

12 сентября 1974 года вблизи Николаевска-на-Амуре на пустынной Петровской косе, на берегу залива Счастья, на месте первого российского поселения, основанного в 1850 году Г.И.Невельским, был открыт памятник (авторы памятника хабаровские скульпторы В.Джунь, В.Бабуров). Всеволод Петрович пригласил Н.П.Задорнова, автора книги «Капитан Невельской», на открытие.

Всеволод Петрович писал: «Прибыв в залив Счастья, я с трудом подплыл к берегу. Сюда могли подходить морские суда. На естественном песчаном валу некогда стояли казармы, где жили солдаты, матросы, казаки...»

Через некоторое время Всеволод Петрович возвращается на это место со скульпторами, студентами Хабаровского педагогического института и местными строителями. Так начиналось сооружение памятника, который представляет собой четырёхгранный бетонный монолит, по форме напоминающий морской кнехт. Скромный барельеф Г.И.Невельского украшает восточную часть памятника, с северной стороны, обращённой к морю, памятник обрамляет металлическая плита с изображением транспорта «Байкал» и перечнем фамилий, наиболее активных участников Амурской экспедиции. На другой мемориальной доске памятника – текст: «Здесь, 29 июня 1850 года, капитан Г.И.Невельской основал первое зимовье Амурской экспедиции, назвав его Петровским. В нём жили участники экспедиции, жена Невельского – Екатерина Ивановна и дочь Катя».

Здесь же на Петровской косе **12 августа 1996 года** состоялась церемония установления ещё одного памятного знака – деревянного православного креста на предполагаемом месте первого на Нижнем Амуре православного кладбища.

Всеволод Петрович с большим уважением и трепетной любовью относился к выдающемуся исследователю и писателю Дальнего Востока Владимиру Клавдиевичу Арсеньеву. Его книга «Дерсу Узала» широко известна и любима. И если могила В.К.Арсеньева во Владивостоке нам известна, то место захоронения его друга, проводника Дерсу было неизвестным. Дерсу нашли мёртвым у костра в пригороде Хабаровска. Его убийцы забрали у него винтовку. Похоронен он был на том же месте, где его нашли. Но В.К.Арсеньевым это место забылось В книге «Дерсу Узала» он писал:

«Я не узнал место – всё изменилось. Около станции (Корфовская) возник целый посёлок, в пригорьях Хехцира открыли ломки гранита, начались вырубki леса. Приметные кедры исчезли. Несколько раз пытался искать могилу Дерсу, но напрасно».

Всеволод Петрович говорил: «Я не раз перечитывал эти строки» – и, как сам он говорил: «...С каждым разом крепло желание увековечить память о Дерсу Узала. В середине 60-х годов, наконец, появилась возможность заняться этим».

В Корфовском карьере выбрали огромную гранитную глыбу, вывезли на предполагаемое место захоронения и краской нанесли имя – «Дерсу Узала».

В 1997 году по настоянию Всеволода Петровича та глыба была обработана и установлена на постамент. Крупными буквами было выбито: «Дерсу Узала», а сбоку на полированной поверхности текст: «Памятник воздвигнут на месте гибели в 1908 году Дерсу Узала – проводника В.К.Арсеньева. Благодарные дальневосточники – россияне. 1997 год». Через газету Всеволод Петрович не забыл поблагодарить всех тех, кто помогал ему в этом деле: Администрацию посёлка Корфовского, полковника в отставке К.В.Распутина, директора Спецкомбината В.П.Сугрובה.

Всеволод Петрович рассматривал этот памятник, как временный вариант. По его мнению, монумент должен представлять собой композицию из двух фигур: В.К.Арсеньев сидит на валежине и записывает в блокнот информацию Дерсу, стоящего рядом. Таковы пожелания В.П.Сысоева.

Всеволод Петрович писал: «...Хабаровск полюбил с первого взгляда, любовь эта усиливалась с каждым годом. В последнее время самое любимое место в городе – набережная Амура у памятника Н.П.Задорнову». Этот памятник – тоже его детище.

На одной из встреч с известным юмористом Михаилом Задорновым, сыном писателя, спросили:

– Кому принадлежала идея о памятнике Н.П.Задорнову?

Он ответил:

– Конечно же, первым был Всеволод Петрович, об этом он писал мне в письмах.

Благодаря настойчивости В.П.Сысоева **в 1996 году** выходит распоряжение мэра города Хабаровска «О проведении конкурса на проект памятника писателю Н.П.Задорнову». Всего было представлено девять проектов, но первую премию присудили модели за №338888. Это была работа Хабаровского скульптора В.Бабурова и архитектора А.Иванова. Деньги на сооружение памятника внёс сын писателя Михаил Николаевич Задорнов. Всеволод Петрович также внёс все деньги от продажи подарочного издания его книги «Золотая Ригма» в фонд строительства памятника Н.П.Задорнову, автору десяти романов о Дальнем Востоке. Среди них – «Золотая лихорадка», «Далёкий край», «Капитан Невельской». На митинге в связи с открытием памятника Н.П.Задорнову Всеволод Петрович сказал:

– Сегодня мы открываем памятник Н.П.Задорнову, как сыновнюю благодарность за литературный подвиг, за бесценные литературные сокровища, которые он оставил нам с вами. Мы рады, что отныне он во веки веков будет с нами, а мы будем неразлучны с его книгами». Сидящий на скамье бронзовый писатель Н.П.Задорнов смотрит в даль на Амур. Одна из его книг называется «Амур – Батюшка».

Следует добавить к сказанному об установлении по инициативе В.П.Сысоева мемориальной доски на здании школы в посёлке Венюково основателю Вяземского района, учёному М.И.Венюкову; мемориальной доски на здании бывшего Дома политпросвещения русскому писателю М.А.Шолохову в честь его пребывания в нашем городе.

Не все задумки Всеволода Петровича были осуществлены. Он мечтал увековечить память о Н.М.Пржевальском, об В.К.Арсеньеве в Николаевском районе, о Василии Пояркове...

Хочется надеяться, что для продолжения неосуществлённых идей и подвижнической деятельности объявится новый человек, так же горячо любящий город Хабаровск и наш Дальний Восток.

Т.С.Бессолицына, ответственный секретарь Хабаровского Общества охраны памятников истории и культуры.